Рубрика: НАУЧНЫЕ ЭССЕ

ОДАРЕННОСТЬ И БОЛЕЗНЬ. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА НИЦШЕ

И. И. Фролова

Психическое здоровье одаренных людей является нерешенной практической и научной проблемой. Для того чтобы ответить на вопрос, каким образом психопатология становится доминирующей коммуникативной стратегией одаренных личностей, в статье проводится анализ представлений об одаренности, выработанных в рамках психологического и социологического подходов.

Рассмотрен пример жизни и творчества Ницше. Он известен своими гениальными философскими трудами, и при этом вся его недолгая жизнь была борьбой с психическим заболеванием. Духовные искания Ницше закончились хаосом и пустотой, однако смысл его болезни выходит далеко за рамки его собственной субъектности. Безумие Ницше оказалось тем путем, той экзистенцией и тем событием, которое перевернуло наше представление о добре и зле, о вере и безверии.

Философский подход к одаренности рассматривает экзистенциальный смысл появления неординарных людей в обществе и анализирует их судьбу не только с точки зрения их субъектности, но и с точки зрения влияния их жизни и творчества на последующее развитие общества в целом.

Ключевые слова: одаренность, болезнь, гений, Ницше, безумие, детско-родительские отношения.

DOI:10.47929/2305-7327_2020.02_83-91

Проблема одаренности и связи ее с психопатологией занимали человечество всегда. Достаточно вспомнить Платона с его идеей о мистическом духе «энтузиазмосе», который превращает безумца в пророка или поэта. В древнейших языках мира – иврите и санскрите – слово «безумец» синонимично слову «пророк». Слово «мания» у древних греков означает и безумие и божественное вдохновение.

Появление одаренных людей (гениев, вундеркиндов) – это всегда событие неординарное:

Об авторе:

Фролова Ирина Ивановна

*магистрант Самарского
национального исследова-
тельского университета
им. Академика С. П. Коро-
лева*

*Адрес для переписки:
Россия, 443086, г. Самара,
Московское шоссе, 34.*

E-mail: zerkalo33@inbox.ru

*ББК 87.52
УДК 130.3*

восхищающее и удивляющее вначале и порой разочаровывающее и даже пугающее впоследствии. Например, все чаще (до 20 % случаев) у одаренных детей находят сопутствующие неврологические и психические заболевания, такие как дислексию, синдром дефицита внимания с гиперреактивностью (СДВГ), аутизм (синдром Аспергера), биполярное расстройство и т. д. [Пылаева, 2015].

Дж. Элкин в 1983 г. ввел для таких детей специальное понятие: «дважды исключительные учащиеся» (twice-exceptional students), у которых «яркие» преимущества соседствуют с такими же яркими недостатками [Prior, 2013].

Медицинский подход видит в таких случаях лишь нарушения работы головного мозга. Эпатирующая фраза Ч. Ломброзо – «гений – это эпилепсия» – тому подтверждение. В XXI веке с помощью МРТ удалось выяснить, что возбуждение одних и тех же областей мозга при шизотипии и при решении оригинальных задач косвенно свидетельствует о похожести когнитивного механизма у «гения» и «безумца». Генетики обнаружили совпадение фрагментов ДНК, которые связывают с шизофренией и маниакально-депрессивным психозом с вариантами генов, связанных с одаренностью и креативностью [Fink, 2012].

Однако медицинский подход лишь констатирует проблему, но не решает ее. Да, гениями, говоря словами генетика В. П. Эфроимсона, рождаются. Но почему так часто одаренность сопровождается психоневрологическими нарушениями? [Эфроимсон, 2019, с. 6].

Чтобы ответить на этот вопрос, на мой взгляд, необходимо отойти от медицинской парадигмы и обратиться к психологии и философии.

Большинство ученых согласны с тем, что неудачи одаренных детей уходят в их раннее детство и связаны с эмоциональным климатом семьи, стилем детско-родительских отношений и влиянием эмоционально близкого родителя, с которым ребенок интенсивно общается [Глухова, 2009]. Но семья, призванная поддерживать и защищать уникальность ребенка, в то же время, как социальная структура, должна обеспечить включение его в общество, а значит, подавить его индивидуальность.

Отличие как феномен – угроза тотализации. Непохожесть и автономия индивида порождают психологическую напряженность семейной системы, усиливают неопределенность. Известно, что предсказуемость и стабильность отношений между членами общества спланируют его, в то время как неопределенность порождает страх, недовольство, агрессию [Баринев, 2017]. Общество для сохранения своего гомеостаза культивирует отчуждение и уничтожает индивидуальность. Оно через институт семьи совершает насилие, «которое в современном обществе называют любовью» [Власова, 2014, 91]. Ребенок, постоянно получающий противоречивое послание, которое на уровне слов его поддерживает, а на эмоциональном уровне рождает страх, попадает в состояние, которое Бейтсон назвал феноменом двойной связи, или double bind. Ребенок постепенно запутывается, теряет уверенность в себе и для того, чтобы не вызывать гнев родителя, принужден «систематически искажать свое восприятие метакоммуникативных сигналов»

[Бейтсон, 1956]. В результате у онтологически неуверенного индивида происходит нарушение осознания на трех уровнях: на уровне существования, сущности (чем является человек) и идентичности (кто он такой), что, в свою очередь, «порождает психологическую напряженность и тревогу, а в критических случаях – перестройку и реконструкцию личности [Баринов, 2017; Spinelli, 1989].

Психопатология как коммуникативная стратегия является попыткой справиться с безвыходной ситуацией, способом, который, по словам Сартра, «свободный организм в своем всеобщем единстве изобретает в этой невыносимой ситуации» [Власова, 2014, 87].

Таким образом, к возможным генетическим и биологическим факторам, влияющим на психическое здоровье ребенка, присоединяется, пожалуй, самый важный фактор – фактор среды. Непонимание самими близкими людьми усиливает тревогу ребенка, создает трудности в обучении и поведении, способствует развитию соматических и неврологических заболеваний [Пылаева, 2015].

Но вместе с тем существует концепция «происхождения интеллекта в травме», согласно которой высказывается предположение о тесной связи одаренности с заболеваниями, развившимися вследствие перенесенного стресса на ранних этапах жизни [Пылаева, 2015]. Другими словами, психические травмы детских лет могут стимулировать развитие интеллектуальных способностей. Например, Баженов и другие психиатры XIX века считали маниакальную фазу так называемой «периодической меланхолии» (маниакально-депрессивного психоза – в современной интерпретации) одним из наиболее распространенных психопатологических состояний, способствующих возникновению талантов [Сироткина, 2000]. Однако возможно и обратное: именно одаренность и нестандартность поведения ребенка создают предпосылки для травмы и запускают *circulus vitiosus*, в котором причинно-следственные отношения невозможно отследить.

Итак, запускает ли одаренность через детские травмы психические нарушения или человек изначально психически «нездоров», и это нездоровье «стимулирует» его интеллект? Самый короткий ответ на этот вопрос можно найти у Ницше: «Что меня не убивает, то делает меня сильнее».

В его жизни и творчестве наиболее ярко и полно проявилась эта связь одаренности и болезни. Именно после его смерти, в конце XIX века, произошел кардинальный раскол между романтически настроенными философами (Ж. Батай, М. Фуко), которые возвеличивали саму болезненность гениальности, и психиатрами, которые видели в гениальности всего лишь диагноз.

Влияние этого философа на европейскую мысль трудно переоценить. Его творчество, его болезнь и он сам подготовили концептуальные основы психоаналитической мысли и позволили его последователям (М. Хайдеггер, Ж. Делез) раскрыть диалектическую связь безумия и творчества.

Фридрих Вильгельм Ницше родился в 1844 г. в крайне религиозной семье. Его отец был лютеранским пастором, мать отличалась жестким

и властным характером. Не исключено, что проявившаяся позже в его текстах ненависть к религии и к любым формам насилия проистекают из детства. Он был старшим ребенком в семье. Позже родилась его сестра Элизабет, и еще через 3 года брат Людвиг, умерший в младенчестве. Наследственный анамнез был отягощен по линии матери психическими заболеваниями, которыми страдали ее сестры, одна из них покончила жизнь самоубийством, а дядя умер в психиатрической больнице от неустановленного заболевания. От отца он унаследовал мигрень и миопию.

Однако при такой неблагоприятной наследственности Ницше отличался прекрасными интеллектуальными способностями: с четырех лет читал и писал, с десяти сочинял стихотворения, с шести лет играл на рояле и писал музыку.

Возможно, первое серьезное переживание Ницше получил в возрасте 5 лет, когда внезапно от серии неожиданных приступов в 36 лет умирает его отец. Через полгода он теряет брата. Таким образом, он остается единственным лицом мужского пола в своей семье. Известно, что воспитанием Ницше занимались его мать, сестра, бабушка и две тетки. Не удивительно, что такое чрезмерно женское, «дисгармоничное», окружение могло способствовать кризису самоидентификации и породило у молодого Ницше комплекс мужской неполноценности. По всей вероятности (по крайней мере, об этом нет никаких упоминаний в его дневниках), Ницше не имел половых отношений с женщинами и последние 11 лет своей жизни прожил в обществе матери и сестры.

Таким образом, мы могли бы сказать, что в юности Ницше страдал своего рода «twice exceptional» (синдромом двойной исключительности), при котором он, с одной стороны, уже в возрасте 24 лет, будучи еще студентом, был приглашен на должность профессора классической филологии в Базельский университет – беспрецедентный случай в истории университетов Европы, а с другой стороны – слыл замкнутым, неразговорчивым одиночкой, с «сенситивным презрением к человечеству» и сумасбродством. Его дружба с Вагнером не продлилась и трех лет, а «трехсторонняя дружба» с Лу Саломе и Паулем Ре закончилась полным разочарованием уже через полгода. Страдая от одиночества, он пишет в своем дневнике: «Я – свет... Но в этом и заключается мое одиночество, что я опоясан светом. Я живу в моем собственном свете и сам поглощаю пламя, которое из меня вырывается» [Устименко, 2011]. В этих словах видна неспособность Ницше поделиться своим светом (творчеством), отчего его «свет» превращается в огонь, направленный на себя. (Агрессия, направленная на себя, сказали бы психологи.) Согласно психоаналитическому взгляду, конфликт, как всякий огонь, имеет два аспекта, а именно аспекты сжигания и порождения света [Юнг, 2015, с. 74].

В 1879 году, после 10 лет работы в Базельском университете, Ницше вынужден был уволиться по состоянию здоровья: к 30 годам он почти ослеп, у него были невыносимые головные боли и бессонница, невротические расстройства со стороны желудка. Фрейд назвал бы это неврозом, явившимся следствием подавленного либидо, а желание творить – сублимацией эротических влечений. Философы же объясняют

физические и нравственные страдания Ницше как выражение той, единственной в своем роде, «эмоции», той силы («И если в тебе нет этого – умри, но стань!»), которая одна и может творить и которой противиться невозможно [Бергсон, 1994, с. 53].

Многие работы Ницше писал в форме эссе, часто выстраивая их как последовательность фрагментов или афоризмов: «Бог умер», «Женщина – вторая ошибка Бога», «Одиночество – бегство от больных». Каждому «нет» он противопоставляет «да», каждому «да» – твердое «нет».

В поэме «Так говорил Заратустра», написанной в 1882–1885 годы, четко проступает, говоря словами Юнга, «то божественное любопытство, которое страждет и тянется к рождению» [Юнг, 2015, с. 74], которое, однако, проявляется в форме болезненного возбуждения и «скачки» идей; в тексте присутствуют многочисленные вопросы, восклицания, яснее проступают идеи величия, Ницше часто пишет о смехе, танцах, летании. Психиатр усмотрел бы в этом тексте проявление гипоманиакального возбуждения [Устименко, 2011]. Однако при всем при этом поэма содержит гениальные философские открытия.

Воля к власти – выдающееся понятие в философии Ницше. Воля к власти описывает то, что Ницше считал главной движущей силой в людях: достижения, амбиции и стремление достичь максимально возможного положения в жизни. Это все проявления воли к власти, которая есть и само бытие в его динамичности, и страсть, и инстинкт самосохранения, и движущая обществом энергия.

Стихийное, дионисийское (жизненно-оргастическое) начало он ставил выше аполлоновского (созерцательно-упорядочивающего), образы которого есть только маски, за которыми скрывается божественное дионисийское «Я». Таким образом, он стремился выйти за рамки рационального метода в философии. Он логике разума противопоставил силу страсти.

Удивительно, что человек, слывший холодным снобом, не имевший в опыте теплых отношений с матерью, не сумевший построить личную жизнь, отдает предпочтение чувствам, инстинктам, критикует лживость и лицемерие морали, возвеличивает волю к власти и говорит о суперчеловеке. Откуда он черпает эти идеи? Философы-идеалисты считали, что идеи рождаются от слияния автора и его темы и «обогащаются сведениями от самого духа» [Бергсон, 1994, с. 54]. Психоанализ К. Г. Юнга расширил представление о том, как происходит «слияние автора и его темы». Юнг писал о коллективном бессознательном, которое состоит из предсуществующих форм, архетипов. Оно не развивается индивидуально, а получено по наследству. При сильных переживаниях архетип активизируется и берет вверх над рассудком [Юнг, 2015, с. 16, 22].

Учитывая сильное влияние матери на жизнь Ницше и тот факт, что отец и брат Ницше умерли рано и внезапно, а мать и сестра прожили в полном здравии более 80 лет, можно предположить, что Ницше страдал от материнского комплекса. «Все, что вовне, также и внутри» – можно было бы сказать вместе с Гете. Воздействие материнского комплекса на сына по Юнгу – самокастрация, безумие и ранняя кончина [Юнг, 2015, с. 63].

С точки зрения психиатра, сама форма изложения мыслей Ницше – скачущий ритм хлестких афоризмов, скрытый сарказм, принимающий вид этакого «интеллектуального юродствования» («Где же безумие, которое вам надо привить? Видите ли, я вам указываю сверхчеловека, а сверхчеловек... и есть это безумие... Моя рука – рука шута. Горе всем столам и стенам, горе всему, где есть место для арабесок и маранья шута!»), – все это, говоря языком психиатрии, вполне может явиться отражением бреда, а диагноз сближается с парафренным вариантом параноидной шизофрении [Шавердян, 2014].

Создается впечатление, что и вдохновение, с которым он пишет свои тексты, и болезнь, которая с каждым годом неуклонно прогрессирует, берут начало из одного и того же источника – «божественного огня», который «если он разгорится, то постепенно распространится повсюду». «Гений и безумие – это две стороны глубинной правды жизни, триумфующей над разумом» [Бергсон, 1994, с. 54; Фуко, 2009].

В январе 1889 года произошло событие, повлекшее за собой распад его личности: он стал свидетелем жестокого избиения лошади извозчиком. Что всколыхнуло в его душе эта сцена? Увидел ли он в образе этой лошади себя? Или он вдруг воочию увидел эту «волю к власти» в лице жестокого насильника? Мы можем только предполагать, но то, что Ницше испытал потрясение или даже шок, было очевидно. Он с криками набросился на извозчика и тут же потерял сознание. Два дня он находился в состоянии оцепенения, после чего проявились симптомы психоза – он был возбужден, громко пел, болтал, появился бред преследования. Год он провел в психиатрической больнице, после которой галлюцинаторный и параноидный синдромы сменились апатией и депрессией. Как говорили алхимики: «Сосуд разбился, Меркурий сбежал, магистр сошел с ума».

Фридрих Ницше прожил 55 лет, из которых последние 10 лет он провел в полной деменции. Существует масса предположений относительно душевной болезни Ницше: шизофрения, биполярное расстройство личности, опухоль мозга, болезнь Пика и даже прогрессивный паралич как проявление нейросифилиса, хотя нет никаких сведений о том, где он мог заразиться и тем более лечиться на ранних стадиях.

Однако, с точки зрения философии, гораздо важнее вопрос: не чем болел Ницше, а зачем он болел, какое послание своей жизнью и творчеством он нам оставил.

Философ Мишель Фуко высказал предположение, что безумие Ницше – это не просто психическая болезнь, а зашифрованное послание, которое мы пока не в силах разгадать. («Безумие – это всегда смысл, разбитый вдребезги») [Фуко, 2009; Устименко, 2011]. Это смыкается с воззрениями античных философов о том, что опыт безумия приближает человека к Богу, что это своего рода трансцендентное переживание.

Другими словами, можно было бы сказать, что Ницше пережил «разрешившийся смертью духовный кризис». Его болезнь и его творчество невозможно отделить одно от другого, так как они оба проистекают из глубин «низшего бессознательного». Творчество для Ницше было

единственным путем самопомощи, выходом того самого огня «энтузиазмоса», по Платону, который освещает путь, но сжигает личность. Р. Д. Лэйнг одним из первых исследовал смысл психотического опыта как путь обретения истинного «я». Им впервые был поднят вопрос онтологического истолкования антропологической сущности психической патологии, попытка представить психическое заболевание как своеобразный антропологический проект, способ бытия, модус существования [Власова, 2014, 27].

Позже Юнг напишет о том, что каждый человек имеет свое предназначение, осуществляя которое, он не только реализует себя, но и помогает разрешению коллективных проблем [Юнг, 2015, с. 11].

Одаренные дети приходят в этот мир с определенной миссией: найти гармонию в хаосе. Они «одержимы» поиском истины в жизни, и эта «одержимость» проявляется в том числе и психопатологией. Поиск нового порядка, его отстаивание есть тяжелая духовная работа, для которой не всегда находится свой «Вергилий».

Духовные искания Ницше закончились хаосом и пустотой. Однако смысл его болезни далеко выходит за рамки его собственной субъектности. Во все времена периодически появляются индивиды, которые опережают в своем развитии остальное человечество, «следовательно, человечество в лице душевнобольных приносит жертвы, устлая путь своего развития людьми, впадающими в состояние психического хаоса» [Карпов, 1926, с. 3].

Искать порядок в хаосе и самому «впасть в хаос» – вероятно, это единственный путь установления гармонии. «Хаос всегда рождает порядок, равно как и тотальный порядок всегда иницирует зоны беспорядка. Так устанавливается гармония Хаоса и Порядка, Добра и Зла, Веры и Безверия» [Савчук, 2013].

Одаренный человек не может быть «нормальным». Его инаковость уже подразумевает некий хаос как противовес излишнему порядку и регламентации жизни. Пренебрежение чувственным, перевес рационального («аполлоновского») в нашей культуре очевиден, поскольку отчуждение переживания заложено в самой онтологии общества, оно деиндивидуализирует индивида, уничтожает его автономию.

Огромное количество творческих личностей ходит по грани нормы и безумия. Для них шквал импульсов и идей, которые они черпают из своего состояния, — это кладезь всего творчества, без которого они не мыслят свое существование. Потребность одаренных людей творить создает иллюзию, будто бы им можно помочь, создав необходимые условия. Еще в начале XX века серьезно рассматривался вопрос о том, чтобы «поставить высокие и незаурядные способности человека на службу обществу». В 1925–1930 гг. в нашей стране издавался уникальный в своем роде «Клинический архив Гениальности и Одаренности». Из затеи, как известно, ничего не вышло, так как издание превратилось, по словам современников, в заурядный «дом скорби».

Попытки «инкубировать» одаренность терпят крах. Проблема заключается в том, что нам достоверно не известно, нуждается ли одаренный человек в поддержке или ему, напротив, нужны трудности, преодолевая

которые он оттачивает свой талант. Возможно, порой ему нужна, говоря словами Ницше, «военная школа жизни». «Что не убивает меня, делает меня сильнее» – как не Ницше знать это лучше всех!

Природа гениальности – важная философская, психиатрическая и социальная проблема. Рассмотрение одаренности только в рамках медицинской или психологической плоскости сводит проблему к дилемме «больной/здоровый гений», в то время как философский подход к одаренности, рассматривает экзистенциальный смысл появления неординарных людей в обществе и анализирует их судьбу не только с точки зрения их субъектности, но и с точки зрения влияния их жизни и творчества на последующее развитие общества в целом. Довольно символично, что именно в годы жизни Ницше, в эпоху декаданса – рубеж XIX и XX веков, безумие покидает область медицинской патологии и становится особой философией творчества.

Психопатология как творчество, а не как болезнь – такой взгляд на проблему одаренности снимает риск стигматизации таких людей. Инаковость не должна вызывать страх, она должна вызывать любопытство. Психическая патология – это не соматические нарушения, а специфический опыт, не инфекция, а экзистенция.

Задача общества – не создавать из одаренных людей изгоев или «больных», только потому что они нам непонятны, не проецировать на них наши собственные страхи («сон разума рождает чудовищ»), а рассматривать таких людей, как посланников иных смыслов, проводников иного пути.

Другими словами, не «безумия» следует бояться, а своей реакции на него. Ибо, говоря словами Ницше: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Список литературы

- 1 Баринов Д. Н. «Онтологическая безопасность» и ее границы в современном обществе // Социодинамика. – 2017. – № 9. – С. 75–89.
- 2 Бейтсон Г., Джексон Д.Д., Хейли Дж., Уикленд Дж. К теории шизофрении // Консультативная психология и психотерапия. – 1993. – Том 2. – № 1.
- 3 Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: «Канон», 1994. – С. 51–53.
- 4 Власова О. А. Антипсихиатрия. Социальная теория и социальная практика. – М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2014. – С. 27, 87–91.
- 5 Глухова В. А. Социально-психологические факторы развития творческой одаренности ребенка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Психология. – 2009. – № 18 (151). – С. 49–52.
- 6 Карпов П. И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. – М.–Л.: Главнаука, 1926. – С. 3.
- 7 Пылаева О. А. Одаренность у детей и ассоциированные проблемы. Феномен двойной исключительности. Одаренность и трудности обучения. Одаренность и синдром дефицита внимания и гиперактивности (обзор литературы). Часть 1 // Русский журнал детской неврологии. – 2015. – № 10. – С. 15–18.
- 8 Савчук В. В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследователей культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 93–108.
- 9 Сироткина И. Е. Гений и безумство. Из истории идеи // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 1. – С. 116–124.
- 10 Устименко О. А. Сумерки идолов. Заметки о клиническом случае Фридриха Ницше // Нейропелу: Психоневрология и психиатрия. – 2011. – 7 (34).
- 11 Фуко М. Психическая болезнь и личность. – СПб.: Гуманитарная академия, 2009. – С. 160–166.
- 12 Шавердян Г. М. Ницше: Пророк. Безумец. Терапевт // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 2 (8). – С. 137–147.

- 13 Эфроимсон В. П. Генетика гениальности. – М.: АСТ, 2019. – 480 с.
- 14 Юнг К. Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2015. – 328 с. – С. 11–22, 63, 74–78.
- 15 Fink A. Creativity: Genius, Madness, or a Combination of both? Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts / Fink A., Slamar-Halbedl M., Unterrainer H., Weiss E. 2012. – No. 6 (1). – P. 11–18.
- 16 Prior S. Transition and students with twice exceptionality //Australasian journal of special education. – 2013. – Т. 37. – № 1. – С. 19– 27.
- 17 Spinelli E. The interpreted world: an introduction to phenomenological psychology. – 2nd ed. – London ; Thousand Oaks, Calif: SAGE, 2005. – 238 p.